

VIII. HISTORIE JAKO PROVOKATIVNÍ PŘÍBĚH: RUSKÉ „NOVÉ PŘEČTENÍ“ SVĚTOVÝCH LITERÁRNÍCH DĚJIN

(Ivo Pospíšil)

Příkladem textu, který stojí na pomezí beletrie a věcné literatury, resp. literatury faktu, může být kniha *Jiné dějiny literatury*.¹⁵⁴ Publikace tematicky spojená s jinou, ale podobnou prací A. Žabinského¹⁵⁵ vychází z nového přečtení a nové interpretace textových pramenů k obecné a literární historii. Zatímco kniha A. Žabinského se zabývá uměním jako takovým, je druhá spoluautorská práce orientována na výklad chronologie literatury. Motto publikace – citát z Bertolda Brechta – hovoří o drahotě a ubohosti našeho vzdělávání. Je to hořká výčitka tzv. vědeckým schématům, která jsou de facto jen novým náboženstvím, jež předpokládá slepou víru v zjevená axiomata. Autoři shromáždili ve své knize desítky textů a stovky ukázek z literárních děl, které manifestují, že něco v našem chápání literárních dějin není v pořádku, že zejména v chronologii – řečeno slovy Ludvíka Součka – tušíme stín a chceme se dobrat tušení nových souvislostí a snad i světla.

Již ukázka z Rabelaisova románu *Gargantua a Pantagruel*, z toho tajemného díla, na němž si vybuodoval světovou slávu vitěbský hloubavec Michail Bachtin (1895–1975)¹⁵⁶, dokládá řadu tzv. anachronismů, které podle autorů knihy nemohou být náhodné: vedle sebe se v jednom odstavci ocitli antičtí a středověcí spisovatelé jako současníci. Pokyny, jak knihu číst, jsou tyto: „Эту книгу следует читать медленно и с удовольствием. Если при чтении этой книги Вы встретите незнакомое слово, смысла которого не понимаете даже из контекста, постарайтесь выяснить, что оно означает, и только потом читайте дальше. Убедитесь, что Энциклопедический и Толковый словари доступны Вам, имеются дома, на работе, у соседа или у любовницы. В крайнем случае поинтересуйтесь в отделении милиции, где находится ближайшая Вашему населенному пункту библиотека. Эту книгу следует читать не менее двух раз, с промежутком не менее чем в полгода. Эту книгу не следует рекомендовать детям до 16 лет. Читая эту книгу, следует

154 Дмитрий Калужный, Александр Жабинский: Другая история литературы. От самого начала до наших дней. Авторы проекта „Хронотрон“: Сергей Валянский, Дмитрий Калужный, Александр Жабинский. „Вече“, Москва 2001.

155 А. Жабинский: Другая история искусства. От самого начала до наших дней. „Вече“, Москва 2001.

156 М. Бachtин: Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва 1965, čes.: М. Bachtin: François Rabelais a lidová kultura středověku a renaissance. Praha 1975.

иногда посматривать на последнюю страницу, где помещены синусоиды А. М. Жабинского, – но не раньше, чем Вы поймете, что вам это необходимо.¹⁵⁷

Postup práce byl podle autorů tento: „Оказалось, века традиционной истории как бы складываются в некую ‚гармошку‘ – мы назвали ее синусоидой, с шагом в девять веков так, что некоторые периоды ‚античности‘ или ‚древности‘ совпадают со временем ‚возрождения‘ этой античности или древности. При сложении синусоиды получается некая ‚объемная‘ история, в которой Цицерон (или Диоген Лаэртский) действительно может оказаться близким современником Рабле, только жившем не во Франции или Северной Италии, а в Риме, Константинополе или на Сицилии. Анализ произведений литературы подтверждает и дополняет выводы, сделанные нами из анализа произведений искусства. В этой книге мы прежде всего обращаем внимание на стилистические параллели, для прояснения которых используем капитальный академический труд „История всемирной литературы“ (1883–1994). Его авторы сами нашли и показали эти параллели в литературе разных эпох, а нам, цитируя их, оставалось только не обращать внимания на ‚разъяснения‘ о том, что глупые средневековые писатели страдали страстью к ‚анахронизмам‘. А кстати, если посмотреть на проблему широко, то можно найти ‚средневековые анахронизмы‘ и у античных авторов, причем обнаружить столь большое количество стилистических параллелей в мировой литературе, что даже историкам и литературоведам станет ясна необходимость в корректировке нынешней традиционной хронологии.“¹⁵⁸

D. Kaljužnyj a A. Žabinbskij ukazují, že celá historická chronologie je výtvořem syna Julia Caesara Scaligera Josefa (1540–1609), který dějiny rozbil na kousky, uměle je propojil a doplnil zející mezery. V jeho pojetí to pak vypadá tak, že vývoj společnosti, ale také vědy, techniky a krásné literatury a umění, se děl podle úsloví „krok vpřed, dva kroky vzad“, jinak řečeno, že po obdobích „pokroku“ následují období „regresu“ a pak se znovu objevují věci již dávno objevené. Naopak autoři *Jiných dějin literatury* chápou historii písemnictví jinak: „История – это нелинейный процесс, математической формализации не поддающийся. А потому нет ничего странного в том, что скалигеровская ‚научная хронология‘, помимо уже упомянутых ‚темных веков‘, породила массу противоречий и нестыковок как между историями (древней, античной, новой), так и внутри них.“¹⁵⁹

Desítky dochovaných literárních textů dokládají obrovské množství tzv. anachronismů, v nichž však autoři našli určitý systém: nejde podle nich o anachronismy, ale o důkaz nepravdivosti Scaligerovy chronologie, která v historiografii dosud působí jako svěřací kazajka. Ve skutečnosti byla tzv. antika mnohem blíže středověku, než se zdá, a autoři píšíci jakoby o „dávných“ bojích kolem Tróje byli jejich očitými svědky. Otec Alexandra Makedonského Filip věděl o Rusku, tzv. starověk se odehrával mnohem blíže naší době. K podpoře této teze snesli autoři rozsáhlý materiál

157 Другая история литературы, s. 4.

158 Другая история литературы, s. 6.

159 Другая история литературы, s. 12.

a vytvořili zmíněná sinusoidní schémata. V nich se podle „cest“ sblíží určitá zdánlivě odlehlá období, jak nám ukazuje stylistika literárních textů. Anachronismy jsou podle Kaljužného a Žabinského projevem skrytého systému, jež spojuje zdánlivě časově vzdálená díla a jejich tvůrce: „Интересное Сказание Иоакима о доваряжском времени Руси, изобилующее не соответствующими традиционной истории подробностями, было известно Карамзину; в его библиотеке находилось и *Сказание о Словене и Русе*. Но Карамзин отказался описать эту древнюю историю. Он начал историю Руси с призвания варягов. Таким образом, только с XIX века из истории Руси исчезли анахронизмы, причем по единой-единственной причине их „вычистил“. А в Европе после того как в XVII-XVIII веках скалигеровская версия истории стала широко известной, массы историков продолжали придерживаться „неправильных“ представлений, базируясь не на этой новой идеологии, а на известных им летописных источниках. До Карамзина так было и у нас. Русский историк петровских времен А. И. Лызлов сообщает: „О сих татарех монгаилех, иже живяху в меньшей части Скифии, которая от них Тартариа назвалась, множество знаменитых дел историкове писали. Яко силою и разумом своим, паче же воинскими делы на весь свет прославяхуся... Никогда побеждены бывали, но всюду они побеждаху. Дариоа царя перскаго из Скифии изгнаша; и славнаго перскаго самодержавца Кира убиша... Александра Великаго гетмана именем Зопериона с воинствы победиша; Бактрианское и Парфиское царства основаша.“ Мы тут видим, что тысячу лет спустя после Иордана русsoй исторik подтверждает, что татаро-монголы XIII-XIV веков колотят героев античной древности. Прав Лызлов или не прав, мы тут не обсуждаем; мы говорим о том, что и после появления хронологии Скалигера продолжают бытовать мнения, которых придерживался Иордан, Орбини и другие.¹⁶⁰

Celým textem jako červená nit procházejí citáty z uznávaných autorit (mj. Sergej Averincev, Dmitrij Lichačov), které anachronismy zmiňují, ale snaží se je vyložit „přirozeně“, jako by byly něco „běžného“ a „normálního“. Materiál je ovšem jednostranný a autoři již na počátku přiznávají (viz výše), že čerpali výlučně z ruských dějin světové literatury (*История всемирной литературы*, Москва 1983–1994). Současně však vycházejí z řady sekundárních publikací a edic, přesněji řečeno uvádějí 174 položek odborné literatury. Z toho je zjevné, že autoři studovali pouze ruskojazyčnou literaturu, původní nebo překladovou, a prvotní prameny – zmíněné dějiny světové literatury – jsou také ruské. Nemohli tedy bohužel mít přímý dotek materiálu ani potřebnou konfrontaci s mimoruskými prameny a sekundární literaturou. Ostatně kniha je, jak se dovídáme, určena „pro široký kruh образованных читателей“, jak se uvádí v reklamní upoutávce na konci publikace a v lehce ironické instrukci, jak tuto knihu číst.

Autoři sestavili svou knihu z pěti oddílů: kromě úvodního *K historii otázky o historii* (К истории вопроса об истории) to jsou *Láska a vášně* (Любовь и страсть), *Válka a moc* (Война и власть), *Žrecové a filozofové* (Жрецы и философы) a *Věda*

¹⁶⁰ Другая история литературы, s. 25.

a „věda“ (Наука и „наука“). Všechny směřují k jednomu: na takřka nepřehledném množství textů ukázat nesprávnost současné obecně historické a literárněhistorické (Scaligerovy) chronologie a na neodůvodněnost její současné vědecké podpory. Prezentují to na příkladech lidových pohádek i historiografii 18. století (Voltaireův román *Candide*); stále se tu vtírá myšlenka, která je dovozována uváděnými souvislostmi, že antická historie se vlastně odehrávala ve středověku a důkazem je to, že například v takovém díle, „encyklopedii starověku i středověku“, jakým je Dantova *Božská komedie*, chybějí jména řady antických velikanů prostě proto, že žili až po Dantovi.

Zdálo by se, že jde spíše o fantasmagorii a autoři toto povrchní čtenářské mínění nevyvracejí a naopak prezentací jisté „recesnosti“ vlastního bádání jako by dokládají. V partii již mimo vlastní knihu, která se jmenuje *Хроники хронотропики* například uvádějí: „В ожидании, когда начнут платить деньги за науку, отцы-основатели хронотропики зарабатывали на жизнь кто чем мог. Д. В. Калужный подторговывал подержанными книжками знаменитого русского писателя Иосифа Гогольмана, общеизвестный эрудит Жабинский кормился у жены, а С. И. Валянский придумывал новые рецепты, гениальные, как и все, что он придумывал. В веках сохранится рецепт коктейля ‚Геоклиматика‘: в двести граммов советского мороженого насифонить тротилового спирта до достижения полной гармонии в организме и патриотической поволоки в глазах, обращенных за горизонт. Самое гениальное, что пошло можно потом и не пить, а поить им верстальщика О. Горяйнова и смотреть, что получится. Кайф!“¹⁶¹

Scaligerovskou chronologii nicméně komplikuje i vztah mezi mýtem a literaturou: „А вот историку античной словесности приходится очень трудно, ведь ему надо держаться хронологических построений скалигеровцев, но то, что он обязан называть ‚мифом античности‘, таковым не является, выбиваясь из ряда первобытных мифов, а то, что ‚история античного мира‘, есть история не античного мира. Это история средневековья, что тоже, в общем-то, ‚выпирает‘. Ложное знание не способно увлечь по-настоящему ни историка, ни читателя. Примером, что из того получается, может служить книга *Миф и литература древности* О. Фрейденберг. Впечатление такое, будто автор запутала сама себя. *До греческой литературы нет никакой литературы*, – пишет она. – *Я хочу сказать, что нет в античности. Что касается до древнего Востока, то и там ее нет, но это и несущественно, потому что детство возникающего общества не может перенимать готовых образов общества дряхлеющего... О ней (греческой литературе) нельзя говорить, как говорят о продолжающейся литературе, хотя вся беда в том, что о ней говорят именно так.* Понять автора трудно. Речь здесь о том, что литература средневековья и античная проделали сходный путь, но у средневековых писателей были предшественники – как раз антики, но они предшественников не имели, причем не потому, что их не было, а потому, что они были авторами ‚дряхлеющего общества‘. Читателю становится понятным, что сходство в развитии античной и средневековой ли-

161 Другая история литературы, s. 528.

тератур ничем не объяснимо. Автор это понимает, но признать не может: *Получается так: античная литература...подобна (за исключением ‚полисных‘ сюжетов) любой европейской литературе – немецкой, английской, русской, французской [...] Античная литература возникла из фольклора. Нельзя игнорировать тот факт, что античной литературе не предшествовал никакой род литературы, ни своей местной, ни занесенной извне. Ведь только начиная с эллинизма литература получает возможность опираться на предшествующую литературную традицию; архаическая и классическая Греция такой литературной традиции не имеют.* Есть такая болезнь: шизофрения. У человека раздваивается сознание. То он рядом с вами, живет нормально и все понимает, то вдруг начинает в воздухе руками чертей ловить. История, разделенная на историю средневековья и историю античности, как раз и являет нам непрерывно примеры шизофренического бреда, вроде этих рассуждений об античной литературе: *„Спрашивается: что же ей предшествует? В научной литературе ответ на этот вопрос прекрасно разработан. Правда, неверно названа сама область этого ответа. То, что до сих пор называлось историей религии, в английском понимании – фольклором, во французском – первобытным мышлением, следует обозначить совершенно иначе. И мышление-то это не первобытное, и фольклор этот еще не фольклор, и, главное, эта религия вовсе не религия. Но дело не в этом...Теперь все, что я здесь сказала, я прошу забыть.“*¹⁶²

Citát je tak rozsáhlý proto, že má demonstrovat způsob konstruování textu: téma, citát, výklad, jeho zpochybnění. I když jde v podstatě o postupy vědecké, resp. argumentaci běžnou i v literatuře faktu, jistý ironický a sebeironický nadhled činí z knihy D. Kaljužného a A. Žabinského i esteticky účinný artefakt, resp. výrazný příběh o příběhu světové literatury „bez mýtů a iluzí“.

Deskripce lásky a vášně v literatuře (i v jiných druzích umění) opět dokládá to, že se podle scaligerovské chronologie lidstvo neustále vrací: od antického uznání ženské rovnoprávnosti až adorace k její kritice jako „hříšné nádoby“; podle autorů a jejich představ to není možné, neboť se nelze vracet do fází, které byly vývojem překonány (tedy Sapfó a Anakreon a další patří do středověké literatury).

Autoři dále tvrdí, že když se kdekoli mluví o renesanci, obrození apod., vždy jde o chronologickou chybu: nejde tedy o žádné, byť obohacující návraty, ale o to, že renesance i to, co se má „znovu narodit“, byly vytvářeny ve stejné době (atraktivní a přesvědčivá je například paralela Chaucera a Apuleia i jiných): „Мы поместили Ювенала на то место, какое он и должен занимать в современной хронологии. Вся разница между ним и Франко Саккети (которого мы цитировали перед ним) в том, что жили они в разных местах: один в Риме, находившемся тогда в ромейской (византийской) части Италии, другой – во Флоренции, в романской ее части. И писали – один стихами, другой прозой.“¹⁶³

¹⁶² Другая история литературы, s. 97–98.

¹⁶³ Другая история литературы, s. 138.

Stejně fascinující je sblížení ukázek 16. a 18. století v případě otevřenosti a askeze sexuálního života. Jistá míra agrese je společná vášni a válčení. Na počátku části *Válka a moc* v kapitole *Řada renesancí* (Черета „возрождений“) autoři píšou: „Мы описали уже не раз, пояняя примерами: как только видите в истории какое-либо возрождение, так и знайте: перед вами хронологическая ошибка, зигзаг, когда имеется или перепутанное местами прошлое и будущее, или прямой повтор, отражение событий средневековья в прошлом, причем, бывает, неоднократно. Так, XV век, якобы возрождающий античность, сам повторяется в прошлом то как „каролингское возрождение“, то как „византийское“.¹⁶⁴

Takto vnímají také homérskou Iliadu, tedy jako středověký produkt, neboť ti, kteří ji jako by napodobovali ve 13. století, byli podle autorů současníky tohoto tažení a obkličovací operace.

Rozsáhlé partie svého textu věnují autoři pokrokům mořeplavby a na vyobrazeních lodí dokládají časové doteky Féničanů, Řeků, Římanů, vikingů i Kolumbových karavel.

Podobné paralely (kapitola *Žreci a filozofové*, s. 289 n.) se týkají i grafiky, i když zde je věc složitější a nelze celý problém jednoduše uzavřít tím, že se latinka vyvinula z některých semitských písem.

V části o náboženství v literatuře se tvrdí, že celá historie evangelií, tedy působení Ježíšovo, se odehrává v době, do které situuje vznik tzv. turínského plátna se zachycenými obrysy Ježíšovy postavy radiokarbonová analýza, tj. do poloviny 14. století našeho letopočtu.

Klíčem ke „svržení“ chronologie Josefa Scaligera z „parníku současnosti“ je úloha Byzance a to, že podle autorů je „východní Řím“ (Byzantion, Byzantium, Konstantinopolis) mnohem starší než italský Řím: Koloseum pokládají tedy za výtvar středověku, podle nich se v Římě nemohlo zachovat z antiky nic podstatného: Konstantinopol je současníky popisována jako město plné kovových jezdeckých soch. Také příslušníci jiných kultur se chovali jako by netypicky a nikoli podle dnešních očekávání... svět se vyvíjel jinak a naše chronologie (tedy scaligerovská) mu neodpovídá: „По нашей версии XII – первая половина XIII века и есть эпоха античности, смешения верований и культур, зарождения мировых религий, и ничего нет удивительного в том, что крестоносцы видят статую Аполлона, и что этой статуе поклоняются будущие (будущие!) мусульмане. В то же время в описаниях имеется троица, Бог отец, Его сын и Богородица, причем, насколько можно судить, их изображения исполнены весьма художественно. Приходится нам все время напоминать: человечество едино, история человеческой цивилизации цельна, последовательна и непрерывна. После происшедшего переворота в каком-либо сообществе людей (национальном, религиозном, профессиональном) новые идеи развиваются новыми поколениями при отсутствии старых (ведь люди смертны), но в момент-то самого переворота одно поколение живет и до и после него. Посмотрим на нашу

¹⁶⁴ Другая история литературы, s. 191.

нынешнюю действительность: коммунисты обернулись антикоммунистами, бывшие замполиты, таскавшие пробравшиеся в воинскую часть попов за бороды, целуют крест, спекулянты оказались столпами общества и обсуждают с президентом перспективы развития, пролетарии, производители материальных благ, вымирают от нищеты. И всюду натыканы памятники дворянину Ленину, возглавившему в 1917 году пролетарскую революцию.¹⁶⁵ А рокаčuje dále: „Энеида – эпос, основанный на мифе о переселении троянца (византийца) Энея в Лаций (в латинскую землю, Италию), относится, по нашей хронологии, к концу XIII – началу XIV века и повествует о перенесении столицы Византийской империи с Босфора в Италию. То есть рассказ идет о том, как вернувшиеся из Рима-на-Босфоре участники Крестовых войн строили Рим-на-Тибере.“¹⁶⁶ (Dokládá to přímo na konkrétní ukázce).

Jiná historie literatury je spekulativní práce své doby jako zklidnělý text, který radikálně přehodnocuje autority. Tyto texty svou ironií, sebeironií a tíhnutím k recesi překračují hranice „vážné“ literatury faktu a směřují k esteticky se manifestujícím textům, které se však ostře odlišují od tzv. badatelského románu (роман-исследование) právě silnější ironickou linií a výrazným vedením příběhu zaplněného desítkami textových dokladů. Svým způsobem je příznačným projevem postperestrojkové literatury období rozpadu SSSR, reflektující, sebezpytující skepsí a deziluzivním pojetím světa, v němž se prolíná prostor a čas. Ostatně jde o kategorie zaměnitelné: v „chybné“ scaligerovské chronologii je často různost toposu, kde dílo vzniká, důvodem jeho časového odkladu.

Jiná historie literatury se v širších souvislostech řadí k tvorbě tzv. fantastů, kteří jako diletuující autoři literatury faktu či k beletrii tíhnoucí produkci pokoušeli o průnik do strnulé vědy. Na jednom pólu stojí Erich von Däniken se svým průkopnickým dílem *Vzpomínky na budoucnost* (Erinnerungen an die Zukunft, 1968, čes. v překladu Ludvíka Součka o rok později), na druhém autoři snažící se o důslednější beletrizaci, kdy se zcela zjevně smazává rozdíl mezi faktem a fikcí. Takto „klamal tělem“ právě Ludvík Souček (1926–1978), jenž tak často vytvářel pseudobeletrii nebo pseudoliteraturu faktu: buď vycházel z beletrizace dokumentaristiky (zejména *Tušení stínu*, 1974, a *Tušení souvislostí*, 1984), nebo naopak z dokumentarizace beletrie (např. slavná trilogie *Cesta slepých ptáků*, 1964, *Runa rider*, 1967, a *Sluneční jezero*, 1968). Na pólu esteticky hodnotných textů pak stojí Michal Ajvaz (roč. 1949) s jeho fiktivně dokumentárními prózami (*Druhé město*, 1993, *Tajemství knihy*, 1997).¹⁶⁷

Jiná historie literatury je současně jinou teorií poznání, snažící se proniknout za clonu rigidních schémat i estetickými prostředky, i když nepředstírá pochybnosti.

165 Другая история литературы, s.429.

166 Другая история литературы, s.432.

167 Tento typ literatury jsme nazvali prózou nebo žánry virtuální autenticity a existenciálního znejistění; srv. I. Pospíšil: Žánry virtuální autenticity a existenciálního znejistění: domov a svět, in: Libor Pavera a kol.: Žánry živé, mrtvé, revitalizované. Slezská univerzita, Opava 2006, s. 213–236, zkráceně jako Próza virtuální autenticity a existenciálního znejistění, in: Slavica Litteraria 2006, X 10, s. 5–20.

Jde o poznání, ale také o jeho emotivní reflexi: „Vсякий, выступая в роли автора исторического исследования, должен помнить о том, что не все документы найдены, открыты и опубликованы, а потом не может он претендовать на владение окончательной и непреложной истиной. В любом случае читатель встречается лишь с одной из возможных трактовок истории. Приходит время, и какие-то материалы объявляются фальшивкой или хорошо продуманной мистификацией; напротив, другие – „басни“, „выдумки“, „заблуждения современников“ – вновь используются наукой для построения нового варианта прошлого [...] Непонятно, как историки могут представить себе одновременно великолепную литературу и ничтожное искусство, высокую науку и низкую мораль, технологическую армию и отсутствие производственной базы. Мы стараемся выстроить версию, в которой не было бы таких непонятностей. И все же, переделывая свою версию, кажущуюся нам более стройной и логичной, нежели традиционная, мы следуем принципу: пока традиционная версия окончательно не опровергнута, ее не следует отвергать.“¹⁶⁸

Jiná historie literatury je také součástí všeobecného tažení historiografie směrem k jejím kořenům, tedy k příběhu dějin (historia), jak se projevuje například v americké historiografii druhé poloviny 20. století¹⁶⁹, ale také v mikrohistorii a historii všedního dne. Pro literárněvědnou typologii textů je podstatné, že svádí historické poznání k literárnímu – nikoli naopak, že dějiny obecné chápe na pozadí nebo dokonce jako odvozené z dějin literárních, neboť i obecné dějiny chápe především a do značné míry jako dějiny textů, že člověka chápe na pozadí jeho textových manifestací, často jediného historického pramene, jenž je alespoň trochu reálný. Ostatně historikové často opovrhují filologii jako něčím služebným nemají v ruce často nic jiného než texty, na nichž svou vědu konstituují, často nevědouce nic než to, co jim texty sugerují: lžou tyto texty, nebo mluví pravdu? Většinou to vůbec nevíme nebo se to dovídáme nepřesně a krajně obtížně či nepřímo.

Text *Jiná historie literatury* líčící jiné texty je tak literárním a žánrovým projevem – pseudofikcí a pseudofaktem – postmoderního „znejistění“ lidské civilizace, která se opět ocitá na jedné z osudových křižovatek ohrožována jak degenerací vlastního rodu, tak hrozbami zvnějšku, jež přesahují její dnešní percepční schopnosti. Je příkladem toho, že kreativní impulsy vznikají ponejvíce v podobě „vysrážení“ na hranách tradičních literárních žánrů: hraniční epochy přejí hraničním žánrům a zájem o žánry je podle některých teoretiků již znakem literárního, kulturního a snad i civilizačního vzestupu, nebo nového počátku. Nebo alespoň naděje na něj.

168 Другая история литературы, s. 526.

169 H. White, *Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*, Baltimore – London 1973.